

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И ПОЭЗИЯ Г.Р. ДЕРЖАВИНА:
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Стефано Гардзонио

В статье, посвященной бахтинской работе о Достоевском, Сергей Бочаров пишет:

автор книги совершил свой коперниканский переворот в понимании Достоевского Вячеславом Ивановым. В структурном рисунке статьи Иванова он произвел *рокировку принципов*, а именно: то, что Иванов описывал как “принцип мирозерцания” Достоевского – “абсолютное утверждение <...> чужого бытия: ‘ты еси’”, – Бахтин захотел понять как “принцип формы” его романа, не приняв в то же время ивановского определения принципа формы как романа-трагедии. Итак – “*ты еси*”. Ключевое слово, про которое мало сказать, что это слово философское, – это слово прямо религиозное, слово молитвы Господней, завещанной нам самим Христом (“Отче наш, Иже еси...” – *Мф.* 6; 9). Почему-то комментаторы как Иванова, так и Бахтина, не вспоминают, как это слово звучало в русской поэзии – у Державина, в оде *Бог*, построенной как поэтически-богословское доказательство от человека, как бы обратное заключение от следствия к причине: “Я есмь – конечно есь и Ты”. “Ты еси” державинское до Достоевского и Вячеслава Иванова:

Ты есь! – Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет:
Ты есь – и я уж не ничто!

Бахтин своими словами так пересказывал “Ты еси” Вячеслава Иванова: “превратить другого человека из тени в истинную реальность” (VI, 15) – это формула не Иванова, а Бахтина, и в точности по Державину. Иванов молитвенную мысль о Боге истолковал как мысль Достоевского о человеке. Бахтин пошел дальше по пути *филологической секуляризации* этой мысли и принцип мирозерцания по Иванову истолковал как принцип формы.¹

Мне показалось интересным привести эту длинную цитату, так как она выделяет особое значение наследия Державина в истории русской

¹ Бочаров С. Бахтин филолог: Книга о Достоевском // Вопросы литературы. 2006, № 2. С. 56-57.

литературы и, в частности, в литературном концептуальном мышлении Вячеслава Иванова и в философском переосмыслении литературного творчества в первой трети XX века (именно от Иванова к Бахтину).

Об интересе Вячеслава Иванова к Державину, о зависимости его художественного мира от поэзии Державина уже писалось и часто. Как бы хрестоматийным звучит высказывание Л.В. Пумпянского, по которому: “Иванов – Державин наших дней”,² хотя до него уже об этом писалось и в частности, Андрей Белый, выступая против уподобления поэзии Иванова наследию Тредиаковского,³ писал: “Я только знаю, что он не Тредиаковский им созданного русла поэзии; он – Державин этого русла, а где возник Державин, там есть уже и Пушкин – в потенции”.⁴

Такое уподобление стало до известной степени само-разумеющимся, как подтверждает данный отрывок, посвященный поэтической лексике Иванова, из мемуарной книги Сергея Маковского:

Но не только стиль иных стихотворений, весь словарь поэта пестрит ‘народными’ оборотами и славянизмами, подчас приближающими его язык не то к допетровской письменности, не то к ‘высокому стилю’ Державина и даже Сумарокова. Какой необыкновенный парадокс – русский язык Вячеслава Иванова! По части сложных прилагательных он один, кажется, последовал за Гнедичем, переводчиком Гомера, и превзошел его. Зарница у него “солнцедоспешная”, ручей

² Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Л.В. Пумпянский. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 242

³ См. Котрелев Н.В. В.И. Иванов // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 373. Имеются в виду рецензии Ник. Ашешова, назвавшего Иванова “Тредиаковским наших дней”, или А. Налимова, указавшего на традицию “ученой поэзии” в “Кормчих звездах”, или пародию А. Измайлова, в которой Иванов сравнивается с Тредиаковским, Державиным и Кюхельбекером. С Тредиаковским сопоставляли Вяч. Иванова также А. Богданович (1904), И. Джонсон (1905) и С. Венгеров (1909). Об этом см.: Davidson P. The legacy of difficulty in the Russian poetic tradition: Contemporary critical responses to Ivanov’s “Cor Ardens” // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1994. Vol. 35. No 1-2. P. 249-267; Сегал-Рудник Н.М. Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. II. СПб., 2016. С. 36, и, в частности, Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов в зеркалах XX века // Вяч. Иванов: Pro et contra. СПб., 2016. Т. I. С. 12. В этом же издании приведен текст рецензии на сб. Кормчие звезды А. Измайлова *Непомерные претензии*, в которой предлагается сопоставление Иванова с Державиным и еще читается: “Иногда от стихов г. Иванова так и повеет еще более давнопрошедшими временами – Тредиаковским, Ломоносовым или Елизаветой Кульман” (С. 41).

⁴ Белый А. Арабески. М., 1911. С. 472.

“искротечный”, рай “среброверхий” и “огнезрачный”, луч “днесветлый”, облако “путеводимое”, эфир “светорунный”. Здесь и там встречаешь – “вихревейный”, “пышностенный”, “огнехмельный”, “иглостолпный”. Ему нравится – не мечет, а “мещет”; не театр, а “феатр”, “град” вместо город, “праг” вместо порог; не грядущий, а “грядый”, не провожали, а “провождали”, не крыл, а “крил” и т. д. Сопряжение этих книжных ‘русицизмов’ с мифологическим содержанием кажется Вячеславу Иванову вполне естественным, он убежден (как и заявляет в предисловии к *Нежной тайне*), что “античное предание насущно нужно России и славянству, ибо стихийно им родственно”.⁵

И Нина Берберова отметила:

Вячеслав Иванов, писавший вместо “сладкий” – “сладимый” и вместо “ткань” – “стлань”, кажется сейчас более далеким, чем Державин.⁶

Что касается собственно мнения Пумпянского, то интересно отметить, как он развивает свое истолкование в работах *К истории русского классицизма* и *Поэзия Ф.И. Тютчева*. В первой мы читаем по поводу поэтического пейзажа:

Вяч. Иванов <...> по бессюжетности своего дара, возвратил русскую поэзию к допушкинскому состоянию, к gebundene Schönheit.

Что же до В. Иванова, то родственность его Державину снова подтверждается тем, что русско-греческая мифология начата им заново, что есть, собственно, возвращение к до-онегинской поэтике русской природы.⁷

Данное мнение развивается во второй статье, где мы читаем:

большое могущественное направление, поддержанное всеми без исключения учениками Державина, жившее потом весь XIX век (Тютчев, Фет), а в XX веке неожиданное возрожденное Державиным наших дней (и в этом отношении и в ряде других), Вяч. Ивановым. Красота колористических стихов Державина изумительна.⁸

Итак Пумпянский “отмечает точки сближения Вяч. Иванова с Державиным: колористический стиль, новая русско-греческая мифология и бессюжетность поэтического дара”.⁹

⁵ *Маковский С.* Вячеслав Иванов в России // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 120-121.

⁶ *Берберова Н.* Памяти Вячеслава Иванова (1949) // Вяч. Иванов: Pro et contra. I. С. 646.

⁷ *Пумпянский Л.В.* К истории русского классицизма // *Он же.* Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. С. 85, 87.

⁸ *Он же.* Поэзия Ф.И. Тютчева // Там же. С. 242.

⁹ *Николаев Н.И.* Примечания // Там же. С. 770.

О зависимости поэзии В.И. Иванова от державинской писал и И.З. Серман.

В своей работе 1967 г. великий специалист по русскому XVIII веку подчеркивал новое открытие поэзии Державина в начале XX века, но привел лишь имена Брюсова, Маяковского и Заболоцкого.¹⁰ В другой статье он отмечал:

В XX в. произошло второе открытие Державина-поэта. И ‘открыли’ его не ученые-специалисты, а русские поэты, которые в ходе собственного поэтического развития, проверяя и обновляя различные поэтические традиции, обратились и к XVIII в. и обнаружили там, особенно в поэзии Державина, еще далеко не исчерпанный запас поэтических богатств, примеров и уроков.¹¹

Именно о Вяч. Иванове он напишет попозже.¹² В своей статье 1986 года, скорее всего не без ознакомления с работой Пумпянского по теме, хотя ее не цитируя, он приводит интересные переключки стихов Иванова со стихами Ломоносова и Державина. В частности, он подчеркивает созвучие в применении составных-цветовых эпитетов (“Derzhavin’s compound epithets are mainly coloristic”),¹³ в замене относительного местоимения *который* формой *что*, и т.д. В этой перспективе Иванов как бы провозглашает Тютчева и оттуда Державина, а не Пушкина, предком новой русской поэзии. Такого же типа подхода мы найдем и в многочисленных работах С. Аверинцева о поэзии Иванова, особенно там, где он подчеркивает соотношение “архаизма” и “новаторства” в поэзии Иванова и ее зависимость от стиха до-карамзинской эпохи. Он приводит имена Державина и Радищева. В частности, называя строки Иванова булыжниками, он имеет в виду определенный стиховой прием – столкновения односложников (спондеи), что и напоминает стих Державина.¹⁴

¹⁰ Серман И.З. Державин. Л., 1967. С. 117-118.

¹¹ Он же. Литературная позиция Державина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII-начала XIX века. / XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 43.

¹² Serman I. Vyacheslav Ivanov and Russian Poetry of the Eighteenth Century в кн. Vyacheslav Ivanov: poet, critic and philosopher. New Haven, 1986. P. 190-208; Он же. Вячеслав Иванов – наставник советских поэтов // Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века. М., 2008. С. 358-379.

¹³ Id., Vyacheslav Ivanov and Russian Poetry of the Eighteenth Century. С. 202. Правда, такие формы как: *день влажнокудрый, солнца пламенноликие (пламенноустные)* или *ночь звездоокая*, – скорее всего напоминают опять Тредиаковского.

¹⁴ Аверинцев С.С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 165 и сл.

Совсем недавно к теме соотношения поэзии Иванова с державинским наследием обратилась Н.М. Сегал-Рудник, которая представила глубокий анализ традиции державинских картин у Иванова, и, в частности, развила интересное сравнение текстов Державина (*Рождение красоты, Бог*), с ивановскими (*Мелопея “Человек”, Пламенники*) и, наконец, предложила чтение стихотворения *Prooetion*, как ориентированное на *Осень во время осады Очакова* Державина.¹⁵ Иерусалимский ученый отмечает:

Надо сказать, что Иванов в целом является достойным продолжателем традиции Державина, кстати, столь широко использовавшего образ огня, что Б. М. Эйхенбаум назвал его “истым огнепоклонником”. “Картины”, которые, как писал сам Державин в *Рассуждении об оде*, “должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно или приятно начертаны”, – жанр, широко используемый в поэзии Иванова. Эти “картины” чрезвычайно помогают организации ее метафизического хронотопа. Конечно, можно сказать, что Иванов, любивший Горация, мог непосредственно ориентироваться на его традицию “картин”, но он знал и ценил русское гораціанство и, в первую очередь, поэзию Державина. Говоря о традиции державинских картин у Иванова, надо заметить, что эстетический канон дионисийства, соединяющий в себе различные культурные традиции, заставляет всякий раз менять установку и смещать доминанту текста в направлении нагнетания трагедийного пафоса.¹⁶

В статье *Мотив воды в творчестве М.В. Ломоносова* Т. Зверева отмечает по поводу изображения фонтана у поэта-классициста:

Всякая Империя претендует на высшую власть – власть над временем. В этом контексте смыслов фонтан становится символом бессмертия, олицетворением преобразенного времени

и подчеркивает явный сдвиг в поэзии Державина:

В конце XVIII века Г. Р. Державин напишет свой знаменитый *Водопад*, который проведет водораздел между двумя культурами: на смену классической эпохе фонтанов придет романтическая эпоха водопадов.¹⁷

То, что здесь стоит выделить, это отношение Вяч. Иванова к данной теме и к данному образу. Пишет Зверева:

¹⁵ Сегал-Рудник Н.М. Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. Вып. II. СПб., 2016. С. 55 и сл.

¹⁶ Там же. С. 55.

¹⁷ “Филолог”, вып. 3, 2003 по ресурсу http://philolog.pspu.ru/module/magazine/dopub_3_55.

В последующей литературной традиции фонтан часто выступает в качестве репрезентативного знака “имперской темы”. В *Римских сонетах* Вячеслава Иванова вода, “бьющая в лазурь”, становится символом выстроенного человеком Космоса истории:

Пел Пиндар, Лебедь: “Нет под солнцем блага
Воды милей”. Бежит по жилам Рима,
Склоненъем акведуков с гор гонима,
Издревле родников счастливых влага.

То плещет звонко в кладезь саркофага;
То бьет в лазурь столбом и вдаль, дробима,
Прохладу зыблет; то, неукротима,
Потоки рушит с мраморного прага.¹⁸

В самом деле, в данном примере, трактовка темы у Иванова как бы переносит его стихотворение к ломоносовской модели, к додержавинской.

Данный пример ставит явный вопрос: насколько поэзия Иванова ориентирована на додержавинскую традицию? Рассматривая богатую литературу по теме, мы увидели, как ивановская поэзия соотносится с державинской (язык, мифология, колористический стиль). Я добавил бы еще один аспект: широкий слой библейских отсылок у обоих поэтов.

Но тут нужно вернуться к первой приведенной нами цитате, к вопросу об “абсолютном утверждении <...> чужого бытия: “ты еси””, к державинскому “ты есь”. Конечно у Иванова действует эстетический канон дионисийства, соединяющий в себе различные культурные традиции, и весь комплекс эпиграфов – тому доказательство. Его поэзия принадлежит эпохе серебряного века, строится на культурном разнообразии этой эпохи, но... Но тут возникает особенное ‘но’... Допускает ли в собственной лирике поэт “абсолютное утверждение чужого бытия”? Я имею в виду, в частности, его первые книги. Как оно совместимо с его концепцией реализма средневекового толка? Можно ли отметить в ивановской лирике принципиальный переход от *мы* к *ты*? Дело в том, что в его поэзии безусловно отмечается особый процесс сакрализации, в котором, мне кажется, особенно это касается первых поэтических книг, мало места оставляется тому ироническому, внешнему по отношению к поэтическому пафосу взгляду, который мы определенно замечаем в бытовом автобиографизме Державина, как в его одах, так и в его анакреонтике. До известной степени, возвращаясь к процитированному отрывку Бочарова, можно сказать, что Иванов реализует свой

¹⁸ Там же.

поэтический мир в рамках трагедийного пафоса, или лучше торжественной оды (“Мир Иванова это мир оды, не мир трагедии”, пишет Аверинцев),¹⁹ а не в разно-интонационном многоголосии. У него не отмечается той особой де-сакрализации, которая отмечается в поэзии Державина и от которой идет, это точно отметил Бочаров, многоголосие Достоевского. Иванов, на мой взгляд, отказывается от секуляризации поэзии, от ее настоящей материализации:

Не Ding-an-sich и не Явление, вы,
О царство третье, легкие Аспекты,
Вы, лилии моей невинной секты,
Не догматы учительной Софы,
Но лишь зениц воззревших интеллекты,
Вы, духи глаз (сказал бы Дант), — увы,
Не теоремы темной головы,
Vague или блажь, аффекты иль дефекты
Мышления, и “примысл” или миф,
О спектры душ! — всё ж, сверстник мой старинный,
Вас не отверг познанья критик чинный.

¹⁹ Аверинцев С.С. Поэзия Вячеслава Иванова. С. 170.